
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 3 (76). С. 79–91.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2022; 3 (76): 79–91.

Научная статья

УДК 811.161.1:1(47)«19»

DOI: 10.37724/RSU.2022.76.3.009

Иван Ильин — о русском языке и силе суждения

Владимир Иванович Аннушкин¹, Чжао Яшу²

^{1,2} Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия

¹vladannushkin@mail.ru

²zhaoyashu1992@163.com

Аннотация. В настоящей статье анализируются взгляды философа И. А. Ильина на русский язык, которые выстраиваются в целостную концепцию философии мысли и слова. Философу удалось не просто высказать фундаментальные идеи о природе русского языка, его связи с культурой и историей России, но сделать это в свойственном только ему изящном идиостиле. Оценке языка предшествует оценка нравственных постулатов и знание отечественной культуры, которая понимается как культура сердца, совести, чувства, служения, жертвенности, веры и молитвы. Природа мысле-словесного творчества описана Ильиным в концепции «силы суждения». Суждение — сердечный акт, требующий быть подлинным, по объему материала — всегда новым, по огню своей мысли — всегда искренним. В статье рассматривается идиостиль Ильина: вдохновенная мысль автора ведет его воображение и способствует созданию бесконечного ряда образов и метафор (характерный стиль Серебряного века). Основная для Ильина стилистическая фигура — нанизывание как развитие мысли путем прибавления семантических неологизмов и параллельных конструкций, тяготеющее к бесконечности и останавливаемое по воле автора в соответствии с его вкусовыми предпочтениями. Мыслительное творчество понимается Ильиным как «цветущее мышление», способность находить неожиданные определения и повороты суждений. Разбор конкретной тематики сделан на основе анализа слова «сердце», требующего развития в человеке созерцания, любви и интуиции.

Ключевые слова: русский язык, сила суждения, философия слова, идиостиль, мысль, слово, семантический неологизм.

Для цитирования: Аннушкин В. И., Чжао Яшу. Иван Ильин — о русском языке и силе суждения // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 3 (76). С. 79–91. DOI: [10.37724/RSU.2022.76.3.009](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.76.3.009).

Original article

Ivan Ilyin: on the Russian Language and the Power of Thought

Vladimir I. Annushkin¹, Jao Jashu²

^{1,2} State Institute of the Russian Language named for A. S. Pushkin, Moscow, Russia

¹vladannushkin@mail.ru

²zhaoyashu1992@163.com

Abstract. The article analyzes philosopher I. A. Ilyin's views on the Russian language, which constitute a coherent philosophical system. The philosopher managed to express his fundamental ideas on the nature of the Russian language, its connection with Russian culture and history in his exquisitely refined way. A person's linguistic expertise can only be viewed through the prism of the person's moral principles, their awareness of their culture, which is treated as a culture of heart, conscience, sacrifice, belief and prayer. The nature of verbal creativity is described by Ilyin as power of thought. Assertion is inner motivation to be true, unhackneyed and sincere. The article focuses on Ilyin's literary style. The philosopher's writing is full of vivid images and metaphors, which was typical of the Silver Age of Russian literature. Ilyin's writing is like a long thread on which the philosopher strings semantic neologisms and parallel constructions. Ilyin treats creative thinking as an ability to find unexpected definitions and nonplatitudinous ideas. The article analyzes the concept of heart as a concept that promotes the development of love, intuition and contemplation.

Keywords: Russian language, power of thought, philosophy of thought, philosophy of word, individual style, idea, word, semantic neologism.

For citation: Annushkin V. I., Jao Jashu. Ivan Ilyin: on the Russian Language and the Power of Thought. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2022; 3 (76):79–91. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.76.3.009.

Введение

Выдающемуся русскому философу Ивану Александровичу Ильину принадлежат проникновенные слова: «И еще один дар дала нам наша Россия: это наш дивный, наш могучий, наш поющий язык. В нем — вся она, наша Россия...» [Ильин, 1996, с. 18]. И. А. Ильин глубоко понимал роль языка в человеческой жизни и силу слова, которым творится и организуется жизнь и общества, и частного лица. Ему, всю жизнь служившему Слову как Божьему началу в человеке, были внятны власть и сила человеческого слова, которое в человеческих деяниях может быть и злословием, и добрословием, и истинным, и ложным, и подлинно красноречивым, и льстиво-манипулятивным.

Написанное И. А. Ильиным о русском языке (статья «О России»), о силе суждения, об искусстве спора или светской болтовне до сих пор никак не обобщено и не проанализировано. Тема «Ильин и язык (речь, слово)», как это ни странно, в сущности, почти не поднималась, хотя совершенно очевидно каждому читателю, знакомому с текстами Ильина, что это был не только выдающийся мыслитель, но и мастер русского языка, блестящий стилист. Между тем идиостиль ученых-мыслителей, в том числе русистов, изучен чрезвычайно слабо, потому что усилия научного сообщества по-прежнему ориентированы на авторов художественного слова. Укажем лишь на несколько работ, в которых авторы этой статьи пытаются разработать данную тему, обращаясь к творчеству выдающихся русистов — академика В. В. Виноградова [Аннушкин, 2020а] и академика В. Г. Костомарова [Аннушкин, 2020б], а также к вопросам о терминах «идиостиль» и «идиолект» [Чжао Яшу, 2022, с. 24–28].

Тема «Иван Ильин и русский язык» может быть рассмотрена с разных сторон, но во всех случаях она становится значимой как научно-теоретически, так и общественно-практически:

1. Вступительные замечания должны касаться философии слова, которая ясно понимается всеми выдающимися мыслителями не только XX века, но и более ранними, осмыслившими главную идею европейской культуры — идею Слова, которое было «в начале» (Ин. 1:1) и которым награжден человек, получивший этот «самый совершенный подарок Бога человеку» (Н. В. Гоголь) [Гоголь, 1990, с. 58]. Осознание роли слова и языка как главного инструмента построения человеческой культуры глубоко прочувствовано, понято и применено И. А. Ильиным.

2. И. А. Ильин предлагает свои оценки русскому языку, его роли и значению в жизни и истории России, поэтому должна быть рассмотрена тема «Иван Ильин — о русском языке». Любопытно, как термин «язык» будет заменяться термином «слово», когда философ говорит о «драгоценности слова» в значении мироустраивающего орудия и инструмента общения.

3. Отметив своеобразие стиля И. А. Ильина, сразу оговоримся, что выразительность идиостиля существует не ради самого стиля, то есть не ради словесных изысков (их много в современных СМИ), а ради рожденной в молчании и ответственном поиске мысли. Мыслительное творчество понимается Ильиным как «цветущее мышление», способность находить неожиданные определения и повороты суждений — именно «силе суждения» посвящена одна из глав его книги «Путь к очевидности». Теория суждения Ильина позволяет понять и осмыслить его оригинальные взгляды на проблемы создания речи и ее организации в целом.

4. От мысли — прямой переход к ее воплощению в слове. И. А. Ильин — блестящий словесник, а Слово-Логос предполагает единство мысли и слова. Выяснить, в чем состоит неподражаемость стиля Ильина — наша следующая задача.

5. Разбор конкретной тематики предполагается сделать на основе анализа слова «сердце» — одного из краеугольных слов для понимания сущности человека и философии И. А. Ильина. Сама же философия сердца описана в трудах многих ученых, свой взгляд высказывает и Ильин, делая это в своеобразном мысле-словесном стиле.

Основная часть

1. О философии слова в русской культуре

Всякий выдающийся мыслитель — всегда выдающийся мастер слова, выразивший свои идеи через искусное воплощение в тексте. И всякий политик, законодатель и законотворец, социальный работник — это человек «слова», речевой профессии. Отсутствие искусства слова, владения языком есть депрофессионализм, и напротив: во главе любой общественной структуры, партии, государства всегда стоит человек, владеющий словом. Собственно говоря, мы бы и не обращались к творчеству И. А. Ильина, если бы ему не удалось воплотить свою политическую, законотворческую, искусствоведческую мысль в столь оригинальной, новой, всепокоряющей словесной стилистике. Но словесная стилистика — лишь внешнее выражение сущности человека как образа Божия, а совершенство последнего связано с силой ума и даром слова. В пушкинское время это было ясно для всякого классически образованного человека, как и образование в Царскосельском лицее начиналось именно с этой идеи профессора Н. Ф. Кошанского, начинавшего свою «Риторику» 1829 года словами: «Ничто столько не отличает человека от прочих животных, как *сила ума* и *дар слова*. Эти две способности неразлучны; они образуются вместе и общими силами ведут человека к совершенству, к великой, Небом указанной ему цели» (курсив — автора цитаты) [Кошанский, 2013, с. 39].

Творчество человека в Слове обеспечивает и законодательную деятельность, и социальную стратегию государства, и выигрыш в цивилизационном соревновании наций. В этом смысле *Слово правит миром* как Бог-Слово, бывший «в начале» и воплотившийся в человеке — венце Вселенной, единственном создании Творца, имеющем мысль и слово как отражение Божественного Логоса. И. А. Ильин реализовал в своем творчестве идею служения России, ее духовной культуре, политике, которая сама понималась им как «служение», ее литературе, искусству — и реализовано это служение через *слово*.

Об этом соединении мысли и слова рассуждал А. Ф. Лосев в начале своей книги «Философия имени»: «Слово, в частности имя, есть необходимый результат мысли, и только в нем мысль достигает своего высшего напряжения и значения. Можно сказать, что без слова и имени нет вообще разумного бытия, разумной встречи с бытием» [Лосев, 1993, с. 627]. Неслучайно Лосев пишет и о «магии слова, которой переполнены все религии всех времен и народов» — это как раз то неразгаданное и необъяснимое, что составляет для нас очарование и притягательную, покоряющую силу всякого художественно совершенного словесного воздействия. Это — осознание того места, которое должна была бы занимать в современной классификации наук *филология как учение о слове*, когда следует говорить о слове не только как о лексической единице или концепте, а о слове как Божественном даре, двигателе всей жизни, инструменте общения для построения и организации всего духовного и материального бытия.

Именно так понимал слово и имя А. Ф. Лосев: «Слово — могучий деятель мысли и жизни. Слово поднимает умы и сердца, исцеляя их от спячки и тьмы. Когда под влиянием вдохновенного слова пробуждается в рабах творческая воля, у невежд — светлое сознание, у варвара — теплота и глубина чувства; когда родные и вечные слова и имена, забытые и даже поруганные, вдруг начинают сиять и светом, и силой, и убеждением, и вчерашний лентяй вдруг делается героем, и вчерашнее тусклое и духовно нищенское состояние — ярко творческим и титаническим порывом и взлетом; — называйте это как хотите, но, по-моему, это гораздо больше, чем магия, гораздо сильнее, глубже и интереснее, чем какая-то там суеверная и слабенькая “магия”, как она представляется выжившим из ума интеллигентам-позитивистам. Без слова нет ни общения в мысли, в разуме, ни тем более активного и напряженного общения. Нет без слова и имени также мышления вообще» [Лосев, 1993, с. 627].

О слове и его организующей роли в современной жизни общества и личности стоит сказать особо, только в данном случае высокостилистическое значение «слова», конечно, становится

«речью», «употреблением языка» как инструмента построения общения во всех сферах общения (бытия). «Употребление языка» рассматривал как основную сферу своих интересов В. Г. Костомаров, называя так предмет стилистики [Костомаров, 2019, с. 143], но очевидно, что в русском языке он занимался прежде всего словами, которые представляют собой — уже по М. В. Ломоносову — «едва пределы имеющее море» [Ломоносов, 1952, с. 392]. Так, законотворческая деятельность современного политика («думца», например) невозможна без честного и ответственного пользования словом. Поэтому любой политик — прежде всего человек «словесный». И. А. Ильин пишет о политике как «искусстве объединять людей» [Ильин, 1998, с. 502], а такое объединение возможно только посредством искусства общения, искусства слова.

Современным политиком, юристом, предпринимателем *слово — речь — язык* часто рассматриваются как орудие манипуляции, в чем — и это самое удивительное — они признаются без стеснения, говоря о вынужденном искривлении истины в том или другом деле. Документ, например, становится орудием мошенничества, поскольку «правильное» его оформление (по мысли мошенника, продающего, например, пылесосы, ионизаторы и косметику доверчивым гражданам) позволяет обмануть и граждан, и государство. Искусство устного общения состоит в том, чтобы входить в доверие и словом побуждать к нужным для манипулятора действиям; на реализацию этого «искусства» направлены всяческие тренинги и консультации, индустрия которых опирается уже не на искусство речи и словесное образование, а на «натаскивание» и «навык» в деле психологического обмана, осуществляемого с помощью слова. Восстановить в современном обществе доверие к профессиям политика, юриста, делового человека сложно, потому что слишком долго мы жили под бременем странного тезиса капиталистического рынка о том, что главное — деньги, а не «чистая совесть и честь — вот основания счастья» (надпись на памятнике княгине Е. Р. Дашковой — первому президенту Российской академии наук и руководительнице создания Словаря Академии Российской). С этих нравственных оснований начинается искусство общения (теория и практика коммуникации), поэтому неслучайно Сократ критикует риториков, добивавшихся словесного успеха, но забывавших об истине; неслучаен тезис Ю. В. Рождественского о том, что «главная слабость русского языка — в отсутствии риторической этики и умения творчески мыслить» [Рождественский, 1996, с. 11].

Впрочем, жизнь потеряла бы смысл, если бы, в конце концов, всех нас не поддерживали в ней идеи добра, веры в возможность справедливости, преобразования мира, общества, человека на основе законов *нравственности, истины* (которая вовсе не относительна, а установлена Тем, кто «ест истину и путь» (Ин. 14:6)), *подлинной культуры* (отечественная традиция способна утверждать, что есть «подлинное»), *красоты* («а что есть красота, и почему ее обожествляют люди?») — неспральный вопрос, имеющий ответ, в том числе, в сочинениях И. А. Ильина). Для всех этих категорий *слово — язык — речь* являются средством описания и реализации их проявления в деятельности людей.

2. И. А. Ильин — о русском языке: мысле-стилевой анализ

У И. А. Ильина нет специальных работ о русском языке, однако из отдельных вдохновенных отрывков, посвященных оценке русского языка в жизни России, складывается его ясный и четкий взгляд на роль и значение русского языка в русской жизни. Наиболее выразительно этот взгляд воплотился в последней части первой из трех статей «О России», где по-новому развивается тургеневская мысль о «великом, могучем, правдивом и свободном русском языке». Эта часть начата вводом новых и оригинальных эпитетов, хотя один тургеневский эпитет сохранен: «И еще один дар дала нам наша Россия: это наш дивный, наш могучий, наш поющий язык!..» [Ильин, 1996, с. 18].

Нами замечено, что о языке в большинстве философских, культурно значимых текстах духовной литературы говорится после того, как изложена основная система ценностных взглядов автора. Таковы Книга притчей Соломоновых, Псалтирь, где сначала повествуется о душевно-психологическом настрое на речь или ценностных человеческих качествах (добродетелях), и только потом следует переход к речи. Самый простой пример: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей» (Псал. 50:12), и только затем: «Господи, устне мои отвержеши и уста моя возвестят хвалу твою» (Псал. 50:17). В «Преложении псалма 14-го» М. В. Ломоносовым эта мысль о человеке, наиболее близком к Богу, выражена особенно ясно: «Тот, кто ходит непорочно, / Правду завсегда хранит, / И нелестным сердцем точно, / Как устами говорит» [Ломоносов, 1952, т. VIII, с. 157].

Точно так же И. А. Ильин начинает говорить о русском языке после того, как изложен его взгляд на культуру и духовные ценности России. Это рассуждение для нас, русистов, чрезвычайно важно: мы должны ощущать связь культуры речи не только с культурой мысли, но и с культурой

сердца, поскольку наше традиционное понимание культуры речи все-таки на практике ограничивается вопросами литературной нормы (отошлем читателя к одной из наших статей, где обсуждается в соответствии с последовательной структурой создания акта речи культура сердца (в основном чувствования, эмоции), культура мысли, культура слова, культура распространения речи (синтаксиса), культура произношения, культура телодвижения (подробнее см.: [Аннушкин, 2017, с. 16–18]).

У И. А. Ильина мы обнаружили целый ряд «видов» культуры, которые будут лежать в основании последующей реализации в речи (вновь обращаем внимание на стиль автора, развивающего свою мысль и строящего анафорические фигуры с некоторой «неостановимостью»: «Духовная культура совсем не исчерпывается культурой рассудочной... Но есть еще культура сердца, совести и чувства, есть культура созерцания, видения; есть культура служения, самоотречения и жертвенности; есть культура веры и молитвы; есть культура храбрости и подвижничества. Этой-то культурой строилась и держалась Россия» (курсив — автора цитаты) [Ильин, 1996, с. 17].

Для современной русистики связь культуры и языка является общим местом. Между тем современному филологу должен быть интересен не только тот ряд духовных феноменов культуры, который выстроил И. А. Ильин, но и последовательность его рассуждения. Подсознательно или нет, но сначала были выстроены духовные качества личности и ее внутренние приоритеты, то есть то, что называется *духовной культурой общества и личности* (подробнее см.: [Рождественский, 1994, с. 15]), а только затем следуют высказывания о языке.

Эти высказывания следующие: «В нем — вся она, наша Россия. В нем все дары ее: и ширь неограниченных возможностей; и богатство звуков, и слов, и форм; и стихийность, и нежность; и простота, и размах, и парение; и мечтательность, и сила; и ясность, и красота. Все доступно нашему языку. Он сам покорен всему мировому и надмирному и потому властен все выразить, изобразить и передать» [Ильин, 1996, с. 19].

Вдохновенная мысль автора ведет его воображение и способствует созданию бесконечного ряда образов метафорического характера — и это, по-видимому, характерный стиль Серебряного века. Назовем эту риторико-стилистическую фигуру нанизыванием. *Нанизывание* — это развитие мысли путем прибавления семантических неологизмов и параллельных конструкций, тяготеющее к бесконечности и останавливаемое по воле автора в соответствии с его вкусовыми предпочтениями. Автор нанизывания останавливает свою мысль-рассуждение тогда, когда сочтет это эстетически необходимым. Например, такое нанизывание присутствует в стихотворении К. Бальмонта «Русский язык»:

Язык, великолепный наш язык.
Речное и степное в нем раздолье,
В нем клеткоты орла и волчий рык,
Напев и звон и ладан богомолья.

В нем воркованье голубя весной,
Взлет жаворонка к солнцу — выше, выше.
Березовая роща. Свет сквозной.
Небесный дождь, просыпанный по крыше...

[Бальмонт, 1961, с. 461]

И далее — еще пять строф с подобным нанизыванием, или «нагромождением» образов авторского воображения. Весь вопрос заключается в том, насколько эти образы удачны, новы, необычны, поражают читателя или слушателя игрой писательской фантазии. На наш взгляд, стихи К. Бальмонта лиричны, но не обладают неким внутренним движением, они правильны, но не всегда оригинальны: «воркованье голубя» можно было бы заменить на «пенье соловья», а «взлет жаворонка к солнцу» — на «взлет дерзкого орла — все выше, выше...»

И. А. Ильин более разнообразен, когда пишет о том же: его мысле-словесный оркестр звучит стройнее, мелодия — полифоничнее, образы — необычнее, описание построено на антонимических противопоставлениях, а метафоры поражают новизной: «В нем [в языке] гудение далеких колоколов и серебро ближних колокольчиков. В нем ласковые шорохи и хрусты. В нем травяные шелесты и вздохи. В нем клеткот, и грай, и свист, и щебет птичий. В нем громы небесные и рыки звериные; и вихри зыбкие, и плески чуть слышные. В нем — вся поющая *русская душа*: эхо мира, и стон человеческий, и зерцало божественных видений» (курсив — автора цитаты) [Ильин, 1996, с. 18].

Уловить это своеобразие — задача, неподвластная никаким компьютерным и цифровым технологиям, потому что в таком интуитивно-вкусовом анализе как раз состоит сущность филологии как «искусства чтения» и «понимания текста», согласно концепции С. С. Аверинцева [Аверинцев, 2006, с. 461].

Необычность стиля (то, что мы и называем «идиостилем») начинается там, где мысль соединяется со словесным поступком как способностью выразить этот необычный новый взгляд на описываемое явление. «Филологична» и дальнейшая мысль И. А. Ильина, прямо относимая к теории именования: «кажется, что это звучат сами именуемые предметы, знаменуя о самих себе и о том большем, что скрыто за ними» [Ильин, 1994, с. 19]. Очевидно, что это еще платоновская мысль об отражении в звучании сущности предмета. Ей предшествует мысль о «неописуемой музыкальности» нашего языка, о его «открытой четкой, честной простоте», «скромности, в коей затаилась великая власть, целомудрии, кованности и ритмической гибкости...» — этот ряд необычных и точных характеристик невозможно не оценить.

Подобно В. А. Жуковскому, выразившему в стихотворении «Невыразимое» средствами языка невозможность запечатлеть всю красоту природы и именно так оригинально продемонстрировавшему возможности языка, И. А. Ильин пишет о «молчании, насыщенном высказанными несказанностями» [Ильин, 1996, с. 18]. После значимого молчания ему уже легко перейти к анафорической характеристике русского языка:

«Это язык острой режущей мысли. Язык трепетного, рождающегося предчувствия. Язык волевых решений и свершений. Язык парения и пророчеств. Язык неуловимых прозрачностей и вечных глаголов.

Это язык зрелого самобытного национального характера. И русский народ, создавший этот язык, сам призван достигнуть душевно и духовно той высоты, на которую зовет его — его язык...» [Ильин, 1996, с. 18].

Содержание и стиль статьи выглядели бы однообразно, если бы автор только восхвалял русский язык, потому через «реверс»-отступление он вносит ноту грусти, сомнения и самокритики. Для чего? Для того, чтобы после этого отступления закончить статью решительным лирическим восклицанием: «Горе нам, что не умели мы беречь наш язык и бережно растить его — в его звучании, в его закономерной свободе, в его ритме и в ризах его органического правописания. Не любить его, не блюсти его — значит не любить нашу Родину» [Ильин, 1996, с. 19].

Создание таких творческих неологизмов, как «органическое правописание», достойно того, чтобы размышлять над ними с нашими учащимися — студентами и школьниками, поражаясь точности высказанной мысли. Почему Ильин называет наше правописание «органическим»? Очевидно, потому, что «органика» означает соответствие природе предмета и в данном случае становится похвальной характеристикой той многовековой традиции, которая сформировала это правописание.

В конце статьи кульминационно звучит мысль И. А. Ильина о восприятии и значении знания русского языка для других народов. Эта мысль фундаментальна сегодня для пропаганды и распространения русского языка в мире, она по-разному явлена в ином научном тексте или официальном документе, но необходимо услышать и почувствовать тот стиль, в котором зафиксировал свою мысль И. А. Ильин:

«Пусть же другие народы поймут и запомнят, что им только тогда удастся увидеть и постигнуть Россию, когда они познают и почувствуют нашу речь. А до тех пор Россия будет непонятна и недоступна; до тех пор они не найдут к ней ни духовного, ни политического пути.

Пусть мир познает наш язык и через него впервые коснется нашей Родины. Ибо тогда, и только тогда он услышит не о Ней, а Ее» [Ильин, 1996, с. 19].

Эта мысль должна лежать в основании философии методики преподавания русского языка как иностранного: постигнуть дух и культуру страны можно, только познав ее речь и изучив ее язык. Сегодня эти идеи Ивана Ильина актуальны как никогда, и, конечно, небезразлично, какими словами, в каких синтаксических конструкциях, а затем в каком печатном оформлении или в каком звучании они будут донесены до нашей аудитории — как в России, так и за рубежом. Это значит, что мыслесловесный идиостиль является фундаментальной категорией коммуникации, которая будет эффективна и действенна только при выполнении этих вполне простых и ясных, но бесконечно сложных требований для всякого творца — писателя или оратора.

3. Ильин — о силе суждения

Не будучи филологом, Иван Ильин оставил после себя множество теоретических эссе, в которых зафиксирован его взгляд не только на русский язык, но и на искусство слова, где главное,

конечно, — владение хорошей речью, основанное на нравственно-этических принципах. Эту теорию можно условно назвать риторическим учением Ивана Ильина, хотя обозначено оно необычным терминологическим словосочетанием «сила суждения». Очевидно, что термин «суждение» выбран весьма удачно, потому что он совмещает в себе две основные риторические ипостаси: *мысль* и *слово* (*речь*). Напомним, что наши классики словесности и риторики определяли риторику как «науку изобретать, располагать и выражать мысли» [Кошанский, 2013, с. 40], а предметом риторики К. П. Зеленецкий называл речь, призывая развивать «науку о Слове», включившую бы в себя все другие дисциплины [Зеленецкий, 1846, с. 42].

Получая словесное образование, И. А. Ильин не мог не быть знаком со «словесными науками», как в старину назывались филологические дисциплины, а как религиозному философу ему было естественно говорить именно о слове. Предваряя главу о «силе суждения», Ильин пишет именно о слове: «Драгоценная вещь — слово; если им пользоваться как надо и когда надо, тогда оно свободно, тогда оно истинно, тогда оно глубоко и искренне, огненно и могуче; тогда оно на грани дела и само уже есть дело. По слову такого рода узнается настоящий, созидательный человек: ему можно верить...» [Ильин, 1998, с. 428].

Эти мысли представляются нам чрезвычайно современными и актуальными для сегодняшнего состояния не только российского общества, но и мира в целом. Если «по слову узнается настоящий, созидательный человек», которому «можно верить», то именно так должно оценивать сегодняшнюю нравственно-психологическую обстановку общества, восприятие современного политика и предпринимателя в обществе и саму социально-психологическую атмосферу в нем. Информационная политика каждой страны более всего страдает от отсутствия честного, ответственного, нравственного слова. И это то, чего не хватает современным СМИ и общему стилю нашей жизни, который формируется прежде всего словом.

Если бы мы умели созидать жизнь «истинным словом», «силой своего нравственного суждения», мы подлинно преобразовывали бы наше общество. Обществу, увлеченному идеей экономического процветания и живущему часто в мире приземленных и псевдореалистичных «речей» наших СМИ, необходимо заглянуть в «первоисточники истинного слова» [Ильин, 1998, с. 428], созданные нашей великой духовной культурой и научной традицией русских учений о речи, в которых найдутся перспективные идеи для всех областей жизни — как семейной, так и профессиональной.

Современная государственная политика абсолютного большинства стран ставит социально-экономическое процветание на первое место. Взгляды как И. А. Ильина, так и некоторых ведущих современных культуроведов говорят об обратном. Покажем, как концепция слова и силы суждения Ильина соединена с концепциями современной филологии и культуроведения.

Согласно культуроведческой теории Ю. В. Рождественского, социально-экономическая стратегия государства создается нравственным, вдохновенным, истинным словом, а речь — инструмент политики и стратегии общества. Обычно социальная политика определяется как политика в области социального развития и социального обеспечения, система проводимых государством мероприятий, направленных на улучшение качества и уровня жизни. Возможно ли социальное развитие, обеспечение, улучшение жизни без формирования целостной духовно-нравственной культуры личности и общества? Экономика и социальная политика как требование к улучшению качества жизни (в том числе материальной) основываются на нравственной культуре, выражающейся в языке, слове, силе словесного суждения. Рождественский определил эту связь следующим образом:

«...Стремления людей и обществ не сводятся к обогащению. Наоборот, само богатство, как показывал еще Макс Вебер, зависит от характера морали и устойчивых стремлений общества. Экономическая наука полагает, что существуют два ограниченных ресурса: земля и капитал, и их комбинации есть предмет экономического искусства. Однако если общество недостаточно образованно и аморально, оно не может распорядиться ресурсами земли в условиях современной технологии. Мы видим это на примерах различных современных махинационных схем. Значит, степень образованности и нравственности общества, т. е. *степень овладения культурой является основным условием для применения экономического искусства и проведения социальной политики.*

Экономическое и социальное процветание связано вовсе не с земельными недрами, запасами полезных ископаемых, а с культурой, культурными запасами и культурным развитием. Культуроведение... должно *способствовать выносить суждения* о жизни общества и использоваться для экономических и других решений» (курсив наш. — В. А., Ч. Я.) [Рождественский, 1999, с. 4].

После этих слов Ю. В. Рождественского о «способности выносить суждения» (а эта способность рече-словесная) невозможно не обратиться к концепции И. А. Ильина о «силе суждения»:

«Пока человек живет, он должен воспитывать и укреплять свою силу суждения. Ему необходимо организовывать свой внутренний мир и окружающую его внешнюю среду. Ему необходим строй и порядок.

...Процесс суждения — необходимое и творческое выражение жизни.

...Вот почему каждый из нас призван воспитывать в себе самом, в своих учениках и подчиненных силу суждения» [Ильин, 1994, с. 438].

Сила суждения, как показывает Ильин, требует ответственности, воздержания, благоговения перед предметом и великого терпения.

«Вот почему всем крупным, призванным мыслителям свойственно как бы цветущее мышление, ибо у них всякое понятие, всякое суждение, всякое слово — вскрывает новые связи, разворачивает новые ходы, как бы отверзает новые двери, ведущие к предметным источникам и колодцам, в предметные шахты. Такие мыслители качественно всегда *подлинны*; по объему материала — всегда *новы*; по огню своей мысли — всегда *искренны*». Их мысль никогда не впадает в релятивизм; но она всегда не закончена. Ибо так создан и так обстоит Божий мир: таким помыслил его Господь и в таком виде Он отдал нам его на исследование и познание, чтобы мы всюду осязали Его могущество и величие...» (курсив — автора цитаты) [Ильин, 1994, с. 443].

Итак, мысль для проведения социальной политики и всякого законотворчества должна быть *подлинна, нова, искренна*. Очевидно, что эти требуемые качества мысли суть также качества речи: речь также должна быть и *подлинной*, то есть соответствовать истине, и *новой* (без новизны речь теряет свой смысл), *искренной* как фактором совершенно необходимой эмоциональной окраски речи. Приведенные же выше требования «ответственности, воздержания, благоговения перед предметом» — не что иное в терминах риторики (науки об общении, речи, коммуникации), как «ораторские нравы», то есть требования к личности ратора, создателя речи (подробнее об этом см., напр.: [Волков, 1996, с. 28–31]).

Непосредственную связь с «филологическими» требованиями к слову и речи имеет правило не впадать в релятивизм — относительность истины. Но кто из наших политиков и экономистов знает и помнит слова: «Аз есмь Истина и Путь»? Что же мы имеем? Игру политико-социально-экономических страстей в поиске релятивистских истин, которые доказываются эффективными, но манипулятивными словесными суждениями, в очередной раз вводя человечество в мифотворчество. Так качество жизни и социально-экономическая политика связаны у И. А. Ильина с необходимостью владеть словом как силой суждения.

Чему же научится современный писатель — художник слова и ученый-исследователь — у Ивана Ильина? Изобретательности мысли, ее истинности и подлинности, новизне и своеобразию стиля, искренности и честности, творческой незаконченности.

4. Слово «сердце» в концепции И. А. Ильина

Стиль И. А. Ильина невозможно спутать ни с кем иным. Его совершенство как писателя-мыслителя есть тяготение к совершенству образа Божия в человеке, дерзнувшем осуществить в своем творчестве талант, вложенный в него Создателем. Но раскрытие тайны стиля как тайны творчества — задача, к решению которой можно только приблизиться через вчитывание, добросовестный анализ каждой полюбившейся строчки писателя. Эта задача должна решаться через конкретный анализ различных тем, содержания и стиля И. А. Ильина.

Наметим такой анализ на материале всего лишь одного слова «сердце». Формируя свою оригинальную словесно-философскую концепцию, И. А. Ильин создает удивительные по силе мысли и красоте слова *семантические неологизмы*. Семантические неологизмы Ильина ясны по смыслу и поражают интеллектуальной свежестью, за счет их использования создается эмоциональное богатство языка, подобное тому, что поражает наши чувства при чтении лирических произведений. Одновременно с эмоциональной выразительностью Ильин как художник слова поражает умственное восприятие читателя своей изобретательностью. Писатель использует самые тонкие, неклешированные оттенки выражений отдельного слова, которые включают положительные и отрицательные коннотации.

Попробуем показать эти коннотации на примерах сочетаний с эпитетами-прилагательными. Вот И. А. Ильин употребляет сочетания «бессердечная культура», «сердечное созерцание»,

«совестная воля», «верующая мысль». Сердце может быть «чутким» (оно — орган восприятия и творения культуры, субъект созерцания и внутренней жизни человека), «глубоко чувствующим», «вовлеченным» (во все жизненные дела человека), «живым и излучающим», «поющим», «созерцающим», «лучезарным», но оно же может быть «отстраненным, заглохшим, омертвевшим», «пустым и мертвым», поскольку привыкая к такому состоянию европейская цивилизация «благотворит с выхолощенным сердцем».

Обратим внимание также и на то, что при создании семантических неологизмов писатель сочетает прилагательные «сердечный (-ое; -ая)» с абстрактными существительными типа «культура», «жизнь» и даже «пение» и «созерцание». Так создаются дивные, с тончайшими оттенками значения, индивидуально-художественные неделимые словосочетания, понимание которых возводит читателя на высоту тонкого чувствования высоких смыслов русского языка. От читателя требуется усилие фантазии, чувства, воображения (то есть творческий «сердечный акт»), чтобы представить себе этот необычный предмет, затем усилие не меньшее, чтобы раскрыть содержание, которое вложил в него Ильин, приписав слову содержательный признак «сердечности». Вот примеры таких необычных словосочетаний: «*Сердечное созерцание* переродит и окрылит чувственное наблюдение мира; оно свяжет и облагородит холодную и жестокую волю к власти и укажет ей ее высшие цели и задачи»¹.

В ряде случаев подчеркивается конкретная предметность и соотнесенность с разными областями жизни, что подтверждает многосмысленность данного понятия:

- «кризис культуры происходит от того, что, по мнению многих, сердцу *просто нечего делать в науке*» — сердце противопоставляется холодному, схоластическому «разуму»;
- вместилище чувств — «современное общество решило, что от сердца *можно отречься*, потому что оно мешает инстинкту, оно есть разновидность глупости и сентиментальности... оно *подрывает человеческую деловитость и ставит человека в смешное положение...*».

И. А. Ильин рассматривает также философско-психологические категории мышления и воображения, содержание которых связано с концепцией «созерцающего сердца» и напрямую зависит от нее:

- «*мышление без сердца... остается в конечном счете безразличным*»;
- «*воображение в отрыве от сердца... остается безответственной игрой и пошлым кокетством*».

Стилистическое мастерство мыслителя воплощено в богатстве синтаксических конструкций и фигур речи. Предложения как бы объединяются в семантическую группу со значением «бессердечие», противопоставленную всему «сердечному», то есть тем абстрактным предметам, которые связаны с духовной деятельностью, всегда имеющей положительный смысл. Писатель использует глубокие, емкие и точные по смыслу метафоры. Эти конструкции связаны с идеей воздействия на сердце, например:

- «предстояние Богу» «*подъемлет сердце*»;
- реабилитация сердца: *сердце и созерцание, любовь и интуиция* должны быть реабилитированы и возобновлены и, соответственно, получают руководящую силу;
- цель образования личности представляет «*зажигание сердца*»;
- «*взрослому сердцу*» должно «делиться этим огнем» с ребенком как с формирующейся личностью.

Как видим, описание и оценка мыслительно-стилевой изобретательности И. А. Ильина сложна вследствие богатства и разнообразия создаваемых им понятий, словосочетаний и особенно семантических неологизмов. В их применении выразились точность, богатство и новаторство языка Ильина, позволяющие автору найти вместе с читателем выразительные образы — ключ к духовной очевидности.

Заключение

Сегодня как в науке и искусстве, так и в общественно-политической и экономическо-хозяйственной жизни особенно необходимо говорить об изобретательности мысле-словесного творчества, которое преобразует стиль речи и стиль жизни. Если мы не научимся говорить и писать так, как это умели делать наши мысле-словесные гении, к которым, несомненно, принадлежит Иван Ильин, мы будем недостойны их памяти, признаем себя плохими учениками. Но мы — не копиисты,

---

¹ Здесь и далее тексты цитируются по изданию: Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Рус. кн., 1993. Т. III. 1994. С. 534–550 (гл. «Сердечное созерцание»); курсив в цитатах наш. — В. А., Ч. Я.

мы — творцы собственного мира истинной, одухотворенной красоты, который зиждется на памяти предшественников, на их великих идеях и воспитанном ощущении силы и могущества русского слова. Образец такого творчества дан нам в трудах И. А. Ильина, воплотившем «силу целостности духа» и веру в наши «грядущие деяния».

И. А. Ильин вполне осознавал силу слова как инструмента, который дан ему для того, чтобы осуществить свое предназначение. Этот инструмент — человеческое слово, которое, по утверждению святителя Игнатия Брянчанинова, «подобно Слову Божию». И «подобными», «осиянными среди земных высот» становятся только лучшие из созданных человеком слов и речей, текстов и сочинений, которыми гордится национальная культура и которые обязаны войти в сознание каждого гражданина Отчизны.

Список источников

1. Аверинцев С. С. Филология // Слово-Логос. Словарь : собр. соч. София-Логос : слов. / под ред. Н. П. Аверинцевой, К. Б. Сигова. — Киев, Дух и Литера, 2006. — С. 452–462.
2. Аннушкин В. И. Филология — словесность — риторика — культура речи: к уточнению терминов и содержания данных наук // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике : сб. материалов XXI Междунар. науч. конф. / отв. ред. В. И. Аннушкин. — М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2017. — С. 15–22.
3. Аннушкин В. И. Индивидуально-авторский стиль академика В. В. Виноградова и его последователей. // Но мы сохраним тебя, русский язык! : коллективная моногр. / отв. ред. В. И. Карасик. — М. : Флинта, 2020. — С. 161–200, а.
4. Аннушкин В. И. О философии языка и стиле речи академика В. Г. Костомарова // Профессорский журнал. Сер. «Русский язык и литература». — М., 2020. — № 2 (2). — С. 25–33, б.
5. Аннушкин В. И. Слово и образ в русской церковной и научно-филологической традиции // Сборник материалов научно-богословской конференции кафедры филологии Московской духовной академии. — Сергиев посад : Изд-во Московской дух. акад., 2021. — С. 19–40.
6. Бальмонт К. Д. Русский язык // Стихотворения / вступ. ст., сост., подгот. текста и прим. В. Л. Орлова. — Л. : Наука : Ленинградское отд-ние, 1969. — С. 461–462.
7. Волков А. А. Основы русской риторики. — М. : Изд. филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — 344 с.
8. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. IV. О том, что такое слово / сост., коммент., вступ. ст. В. А. Воропаева. — М. : Сов. Россия, 1990. — 428 с.
9. Жуковский В. А. Невыразимое // Собрание сочинений : в 4 т. — М. : Гослитиздат, 1959. — Т. 1. Стихотворения. — С. 289.
10. Зеленецкий К. П. Исследование о риторике в ее наукообразном содержании и в отношениях, какие имеет она к общей теории слова и к логике. — Одесса, 1846. — 137 с.
11. Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. — М. : Рус. кн., 1993-. — Т. III. — 1994. — С. 381–560 ; Т. VI. — Кн. II. — 1996. — С. 7–36 ; Т. VIII. — 1998. — С. 343–564.
12. Кошанский Н. Ф. Риторика / подгот. В. И. Аннушкин, А. А. Волков, Л. Е. Макарова. — М. : Рус. панорама : Кафедра, 2013. — 320 с.
13. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. — М. ; Л. : АН СССР, 1950 — Т. VIII. — 1952. — С. 389–583 ; Т. VIII. — 1952. — С. 157.
14. Чжао Яшу. О термине идиостиль: истоки — признаки — маркеры // Международный аспирантский вестник. — 2022. — № 3. — С. 24–28.
15. Рождественский Ю. В. Хорош ли русский язык? // Литературная газета. — 1996, 4 сент. — С. 11.
16. Рождественский Ю. В. Введение в культуроведение. — 2-е изд. — М. : Добросвет, 1999. — 286 с.

References

1. Averincev S. S. Philology. Slovo-Logos. Slovar' [Word-Logos. A Dictionary]. Averinceva N. P., Sigov K. B. (eds.). Kiev, Spirit and Literature Publ., 2006, pp. 452–462. (In Russian).
2. Annushkin V. I. Philology – Literature – Rhetoric – Speech Culture: An Attempt to Specify the Meaning and Content of the Sciences. Ritorika i kul'tura rechi v sovremennom nauchno-pedagogicheskom processe i obshhestvenno-kommunikativnoj praktike : sbornik materialov XXI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Rhetoric and Speech Culture in Modern Research and Education and in Communication: Proceedings of the 21st International

Research Conference]. Annushkin V. I. (ed.). Moscow, State Institute of the Russian Language named for A. S. Pushkin, 2017, pp. 15–22. (In Russian).

3. Annushkin V. I. Academician V. V. Vinogradov's and his Followers' Individual Style. *No my sohranim tebjā, russkij jazyk!* [May We Save the Russian Language!]. Karasik V. I. (ed.). Moscow, Flinta Publ., 2020, pp. 161–200, a. (In Russian).

4. Annushkin V. I. On Language Philosophy and Academician V. G. Kostomarov's Style. *Professorskij zhurnal. Serija "Russkij jazyk i literatura"* [Professional Journal. The Russian Language and Literature series]. Moscow, 2020, no. 2 (2), pp. 25–33, b. (In Russian).

5. Annushkin V. I. Word and Image in Russian Clerical and Philological Traditions. *Sbornik materialov nauchno-bogoslovskoj konferencii kafedry filologii Moskovskoj duhovnoj akademii* [Proceedings of a Theological Conference of the Department of Philology of Moscow Theological Academy]. Sergiyev Posad, Moscow Theological Academy Publ., 2021, pp. 19–40. (In Russian).

6. Bal'mont K. D. The Russian Language. *Stihotvorenija* [Poems]. Orlov V. L. (comp.). Leningrad, Science Publ., 1969, pp. 461–462. (In Russian).

7. Volkov A. A. *Osnovy russkoj ritoriki* [The Basics of Russian Rhetoric]. Moscow, Moscow State University named for M. V. Lomonosov Publ., 1996, 344 p. (In Russian).

8. Gogol' N. V. *Vybrannye mesta iz perepiski s druž'jami. IV. O tom, čto takoe slovo* [Selected Passages of Letters to Friends. IV. About the Word]. Voropaev V. A. (comp.). Moscow, Soviet Russia Publ., 1990, 428 p. (In Russian).

9. Zhukovskij V. A. The Inexpressable. *Sobranie sočinenij: v 4 tomah* [Collected Works: in 4 vols.]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1959, vol. 1. Poems, pp. 289. (In Russian).

10. Zeleneckij K. P. *Issledovanie o ritorike v ee naukoobraznom sodержanii i v otnoshenijah, kakie imeet ona k obshhej teorii slova i k logike* [Investigating Rhetoric as a Science and in Relation to Logic and the General Theory of the Word]. Odessa, 1846, 137 p. (In Russian).

11. Il'in I. A. *Sobranie sočinenij: v 10 tomah* [Collected Works: in 10 vols.]. Moscow, Russian Book Publ., 1993, vol. III, 1994, pp. 381–560 ; vol. VI, book II, 1996, pp. 7–36 ; vol. VIII, 1998, pp. 343–564. (In Russian).

12. Koshanskij N. F. *Ritorika* [Rhetoric]. Annushkin V. I., Volkov A. A., Makarova L. E. (comps.), Moscow, Russian Panorama Publ., Department Publ., 2013, 320 p. (In Russian).

13. Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sočinenij* [Collected Essays]. Moscow Leningrad, Soviet Academy of Sciences Publ., 1950, vol. VIII, 1952, pp. 389–583 ; vol. VIII, 1952, p. 157. (In Russian).

14. Jao Jashu. Individual Style: Sources — Features — Markers. *Mezhdunarodnyj aspirantskij vestnik* [International Postgraduate Bulletin]. 2022, no. 3, pp. 24–28. (In Russian).

15. Rozhdestvenskij Ju. V. Is the Russian Language Beautiful? *Literaturnaja gazeta* [Literary Newspaper]. 1996, Sept. 4, pp. 11. (In Russian).

16. Rozhdestvenskij Ju. V. *Vvedenie v kul'turovedenie* [Introduction to Cultural Studies]. Moscow Dobrosvet Publ., 1999, 286 p. (In Russian).

Информация об авторах

Аннушкин Владимир Иванович — доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина.

Сфера научных интересов: филология, словесность, риторика, стилистика, культура речи, методика преподавания русского языка как иностранного.

Чжао Яшу — аспирант кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина.

Сфера научных интересов: стилистика, методика преподавания русского языка как иностранного.

Information about the authors

Annushkin Vladimir Ivanovich — Doctor of Philology, Professor in the Department of Russian Literature and International Communication in State Institute of the Russian Language named for A. S. Pushkin.

Research interests: philology, literature, rhetoric stylistics, speech culture, teaching Russian as a second language.

Jao Jashu — Postgraduate of the Department of Russian Literature and International Communication in State Institute of the Russian Language named for A. S. Pushkin.

Research interests: stylistics, teaching Russian as a second language.

Статья поступила в редакцию 15.04.2022; принята к публикации 10.06.2022.

The article was submitted 15.04.2022; accepted for publication 10.06.2022.